

УДК 101.1

Дмитрий Иванович Наумов

канд. социол. наук, доц.,

ученый секретарь Белорусской государственной академии связи

Dmitry Naumov

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,

Scientific Secretary of the Belarusian State Academy of Communications

e-mail: cedrus2014@mail.ru**ПОСТСОВЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Определяется научная актуальность изучения социальных трансформаций постсоветского общества, характеризуется проблемное поле исследования, рассматривается методологическая специфика их социально-философского анализа, формулируются актуальные направления социально-философского исследования постсоветского трансформирующегося общества.

Ключевые слова: социальные трансформации, постсоветское общество, социально-философское исследование.

Post-Soviet Social Transformations as a Subject of Socio-Philosophical Research

The article determines the scientific relevance of the study of social transformation of post-Soviet society, characterizes the problem area of research, considers the methodological specificity of its socio-philosophical analysis, and formulates the current directions of socio-philosophical study of post-Soviet transforming society.

Key words: social transformation, post-Soviet society, socio-philosophical research.

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. является не только историческим фактом, но и символической точкой отсчета для реальных, длительных и противоречивых общественных трансформаций, до сих пор актуальных для всего постсоветского пространства. Парадигма общественного развития, идеологически и политически воплощенная в советской модели общественного уклада, исторически дискредитировала себя самим фактом дезинтеграции СССР как своей государственной основы.

Однако в макросоциальном аспекте эта геополитическая катастрофа оказала негативное пролонгированное воздействие на развитие постсоветского общества, социальное и институциональное пространство которого до сих пор характеризуется наличием множества сложных и конфликтных процессов, затрагивающих все его сферы. Именно поэтому А. Н. Данилов рассматривает трансформационные процессы в регионе как проблемные для общественного развития: «На постсоветском пространстве начался болезненный процесс системных изменений – явление глобального порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения» [1, с. 168].

В социетальном ракурсе крах советской модели общественного уклада обусловил противоречивое влияние на индивидуальное мировоззрение, аксиологические и нормативные основания социальных отношений и профессиональной деятельности человека, способствовал изменению форматов взаимодействия индивида, культуры и природы. Оценивая не только в роли исследователя, но и в качестве непосредственного наблюдателя постсоветские трансформации, более двадцати лет назад Ж. Т. Тощенко писала, что «в общественном сознании под влиянием внешних и внутренних факторов происходят кардинальные изменения, продуктом которых становится парадоксальность мышления, познания и оценок окружающих человека явлений и процессов» [2, с. 48]. Следствием такой парадоксальности стало снижение качества индивидуального и группового целеполагания, дискредитация идеалов гражданственности и социальной солидарности, маргинализация политического участия в жизни трансформирующегося общества. Ретроспективная оценка Н. И. Лапиным социальных последствий дезинтеграции советской модели отличается большей жесткостью: «Распад СССР и так называемые реформы стали, в человеческом их содержании, катастрофи-

ческой антропосоциокультурной травмой всего населения РСФСР/России и других экс-советских республик» [3, с. 9].

В постсоветском обществе стадии зарождения и становления нового и отмирания прежнего сосуществуют, диалектически и конфликтогенно взаимодействуя между собой. Это неоднократно подчеркивали многие исследователи во время проведения круглого стола «Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет», который был организован авторитетным журналом «Социологические исследования» [3]. Данный аспект позволяет рассматривать существующий на постсоветском пространстве тип социума как транзитивный, характерными чертами которого являются неравномерность протекающих в нем социальных процессов, их временный характер, трансформативный динамизм, обуславливающий вариативность и противоречивость общественного развития. Фактически транзитивный социум находится перед выбором: либо конструирование более устойчивого и равновесного социального бытия на новой институциональной и нормативно-ценностной основе, либо постепенное снижение эффективности функционирования базовых институтов, обеспечивающих жизнеспособность всей социальной системы.

С исторической точки зрения данную ситуацию можно рассматривать как логичный итог коллапса социалистического социально-экономического строя, в рамках которого самым серьезным образом была подавлена индивидуальность человека, деформирована социальная структура, идеологизирована культурная сфера, а экономика и социальная система лишены источников саморазвития. В ретроспективном аспекте системный кризис советского общества, который характеризовался все возрастающими дисфункциями между культурной средой и социальными отношениями, распадом ценностных основ общественного воспроизводства, обусловил определенную кризисность и противоречивость социокультурного развития постсоветского общества. Это позволило А. В. Оболонскому сделать радикальный вывод, что в целом «аномия – атрибут общества транзита» [4, с. 66]. В управленческом аспекте данная ситуация предопределила необходимость нахождения новых источников и выработки новых параметров социального и культурного развития.

Таким образом, логика общественно-го развития предопределила трансформационную модель развития постсоветского общества, параметры которой представляют интерес с точки зрения социально-философского исследования. С одной стороны, факторы и детерминанты, обуславливающие траекторию развития общества переходного типа, актуализируют проблему аутентичности и прочности возникающих в его пространстве социальных институтов и практик. На этот момент указывает Ж. Т. Тощенко, когда акцентирует атрибутивность современной общественной жизни таких процессов, «которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях – имитацией на всех уровнях организации общественной жизни» [5, с. 314]. С другой стороны, параметры трансформационных процессов свидетельствуют о том, что мы «имеем дело с таким социумом, когда на приоритетные роли выходят такие понятия, как противоречия и кризис» [6, с. 114]. Усиление противоречий в сфере социально-экономических отношений приводит к росту аномии в обществе: «Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части трудоспособного населения порождают известную реакцию отторжения, в т. ч. рост преступности, депрессию и другие негативные психологические последствия» [1, с. 169]. Поэтому бифуркационный и конфликтогенный характер развития постсоветского общества актуализирует проблему минимизации негативных эффектов этого процесса, реализуемых управленческими и политическими инструментами. Это требует знания природы транзитивных процессов и состояний, определения их роли в функционировании и развитии современного социума, а также оценки возможностей блокирования их деструктивного потенциала.

Итак, цель статьи заключается в выявлении и характеристике методологической специфики социально-философского анализа социальных трансформаций постсоветского общества. При этом конструкт «социальная трансформация» характеризует «процесс глубинных институциональных, структурных и личностных изменений, в результате которого социум приобретает новые системные свойства и характеристики» [7, с. 17]. Такая исследовательская логика позволяет охарактеризовать общие за-

кономерности и параметры общественных трансформаций на постсоветском пространстве, рассматриваемых с точки зрения значимости социокультурных процессов.

Таким образом, ситуация трансформационных изменений, характеризующая нестабильное, кризисное состояние постсоветского общества, актуализирует как изучение обусловивших его факторов и траектории развития, так и разработку системы рекомендаций и предложений, направленных на преодоление противоречий и напряженностей в социальной системе. Однако исторический характер постсоветских трансформаций обуславливает для них постепенное изменение социального контекста и определенный временной предел. Данный аспект определяет актуальность данной темы и целесообразность ее дальнейшей теоретической разработки.

Основная часть

Исследования постсоветских трансформационных процессов находятся в фокусе пристального внимания отечественных и зарубежных ученых: философов, социологов, политологов и других специалистов. Как представляется, в контексте заявленной темы прежде всего научный интерес представляют работы тех белорусских и российских исследователей, которые в силу своей погруженности в реальную жизнь современного постсоветского общества фактически сформировали комплексную научную картину происходящих трансформаций. Значительный вклад как в исследования трансформационных процессов, так и в разработку теоретико-методологической основы социально-философского исследования переходного общества внесли такие известные ученые, как Т. И. Заславская [8; 9], Н. И. Лапин [10; 11], В. А. Ядов [12], А. Н. Данилов [1; 13], Т. И. Адуло [14], Ч. С. Кирвель [15], О. А. Павловская [16; 17]. Характеристика основных идей работ этих авторов позволяет представить социально-философский подход к исследованию и оценке постсоветских трансформаций. Исследовательское внимание к трансформациям постсоветского общества обусловлено рядом вопросов теоретического и практического характера, которые требуется осветить.

В нормативно-ценностном измерении имманентной составляющей трансформационных процессов является инверсия базо-

вых нормативных принципов социальной организации общества, коллективистских по своей природе и слабо сопрягающихся с лежащими в основе глобального социального миропорядка идеями субсидиарности, индивидуальной свободы и личной ответственности за свою судьбу. Так, Т. И. Заславская в свое время выявила, что трансформация большинства посткоммунистических обществ на первых этапах сопровождается разрушением нормативно-ценностных оснований в области духовно-интеллектуальной жизни и культуры [8, с. 92]. В результате трансформационного прессинга на духовную сферу снижается роль морали (как социального института) и нравственности (как структурного компонента культуры) в конституировании социального бытия человека [17]. Как известно, духовно-нравственный кризис привел к изменению в постсоветском обществе взаимных диспозиций образования и духовности, нарушил единство ценностей знания и духовных ценностей. Он обусловил определенную социальную недовостребованность культуры, образованности и таланта, снизил самооценку творческого профессионального труда и престиж труда в целом. Это способствовало как определенной социальной атомизации, так и гипертрофированному развитию неформальных институтов, которые в условиях слабости механизмов принуждения к соблюдению формализованных правил начинают играть определяющую роль в различных сферах общества (как негативную, так и позитивную). Итогом становится неспособность всей социальной системы достигать своих целей и обеспечивать защиту базовых ценностей из-за значительного разрушения важнейших адаптационных институтов к различным социальным коллизиям.

В макросоциальном измерении фундаментальное значение для всего постсоветского пространства имеет глобализация, которая порождает и стимулирует процесс интенсификации социальных изменений. Этот процесс находит свое выражение в формировании мирового рынка, коммуникационных сетей, культурной стандартизации, активизации миграционных процессов и т. д. Это является характерным признаком высокоразвитых стран, социальная система которых выработала адаптивные механизмы, позволяющие бесконфликтно существовать в условиях социокультурной динамики. Од-

нако для остальной части мирового сообщества, сохраняющего в той или иной степени элементы традиционного уклада жизни, переход на интенсивный путь развития означает разрушение сложившейся картины мира и порождает страх перед неконтролируемыми социальными изменениями. В социокультурном аспекте для постсоветского социума данная ситуация выступает в качестве фактора, константно генерирующего угрозы для социокультурной сферы [16].

В качестве одного из заметных ответов постсоветского общества на гуманитарные вызовы и угрозы, генерируемые логикой и самим ходом процессов глобализации, выступает усиление консервативно-охранительных и ксенофобский тенденций. Так, Е. А. Лукашева подчеркивает взаимосвязь трансформационных процессов и возвращения к жизни социокультурных и институциональных компонентов домодернистской эпохи: «В странах СНГ идет процесс демодернизации и даже архаизации общественной жизни: сформировались жесткие авторитарные политические системы или режимы с “проблемами демократии”. Социальная рыночная экономика подменяется кланово-феодальным периферийным капитализмом. После развала Союза ССР образовалось дезинтегрированное пространство, в котором правовая институционализация заменяется традиционными институтами и обычаями» [18, с. 26].

В социологическом аспекте правомерно утверждать, что характерной чертой общества переходного типа является рост социальной мобильности как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Она является рациональным ответом индивида на усиление кризисных процессов в социальном пространстве постсоветского общества, вынуждающим его находить более комфортные места проживания и сферы деятельности с точки зрения социально-экономических условий и профессиональных перспектив. Активная социальная мобильность обуславливает большую открытость к инновациям, порождает интенсивные миграционные потоки, делает проблематичными любые принципы и механизмы социальной иерархии. С одной стороны, благодаря этому обеспечивается определенное снижение социального напряжения в обществе и минимизируется вероятность политических кризисов, т. к. происходит

постоянный отток наиболее активных членов общества в социально-экономически более благоприятные регионы планеты, в которых больше возможностей для профессиональной и гражданской самореализации.

С другой стороны, становится сложным делом сохранение в национальных границах историко-культурной традиции сообщества и формирование непротиворечивой социальной идентичности индивида. Дополнительным фактором, усложняющим решение этой проблемы, становится формирование информационного общества как особой формы социальности, для которого характерно интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий и киберпространства, нивелирующих социокультурную специфику любого социального организма [19]. Данная социокультурная ситуация позволяет рассматривать общество как транзитивное, в котором размываются нормативные основы жизнедеятельности индивида, который в условиях неопределенности попадает в зону риска.

В социально-топологическом ракурсе социальное пространство постсоветского общества характеризует определенная сегментированность, которая обуславливает формирование специфических «социальных ниш» и нарастание противоречий между различными социальными группами. Кроме того, она актуализирует проблему кардинального изменения идентификаций и идентичностей, когда на смену универсалистской советской идентичности пришли различные модели эксклюзивной этнонациональной идентичности. В результате у представителей одних социальных групп только по праву этнического происхождения резко возрастают шансы реализовать свой жизненный потенциал, в то время как для других увеличивается риск не успеть за ходом общественных преобразований. Именно поэтому Ж. Т. Тощенко, описывая современное российское общество, подчеркивает, что его развитие «характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками сочетать путь, по которому идет “европейская цивилизация”, но с учетом особой евразийской ориентации» [5, с. 50]. В целом для постсоветского общества фундаментальной проблемой ста-

новится достижение социальной солидарности и поддержание социального единства в обществе на основе общих ценностей и приоритетов, что является обязательным условием как его социально-политической стабильности, так и предпосылкой прогрессивного развития.

Таким образом, трансформирующийся постсоветский социум представляет собой особый объект социально-философского исследования, для которого характерна ситуация частичной потери целостности и устойчивости социальной системы и процесс приобретения новой устойчивости за счет выработки соответствующих социокультурных и институциональных механизмов. С социально-философской точки зрения, феномен постсоветского трансформирующегося общества представляет исследовательский интерес в следующих основных аспектах.

Во-первых, представляет интерес определение устойчивых социальных и темпоральных границ постсоветского общества, в рамках которых этот феномен существует. Если в географическом аспекте территориальная локализация постсоветского общества включает в себя все бывшие советские республики, с 1922 по 1991 г. составлявшие СССР, то определение его социальных и темпоральных границ представляет собой сложную исследовательскую задачу. Теоретически решение данной задачи может быть обеспечено посредством использования либо концепта «поколение», актуализирующего факт рождения и первичной социализации индивидов в период существования СССР, либо концепта «коллективная идентичность», предполагающего существование носителей специфической советской идентичности в постсоветскую эпоху. Соответственно, существование социальных и темпоральных границ постсоветского общества напрямую зависит от физического существования индивидов, идентифицирующих себя с канувшим в историю советским проектом. Альтернативным решением данной задачи является актуализация институциональных дисфункций в рамках политически организованного общества, существующих в силу пролонгированного влияния коллапса советского общественно-экономического уклада. Соответственно, общество, в котором ситуация радикальной трансформации социальных институтов и отношений

является нормой, а нестабильность стала постоянным фактором жизни, фактически может рассматриваться как постсоветское. Однако, как следует подчеркнуть, во всех случаях методологически корректное определение социальных и темпоральных границ постсоветского общества является нетривиальной задачей.

Во-вторых, эмпирическим фактом является то, что в социокультурном пространстве трансформирующегося постсоветского социума идет процесс плюрализации его нормативно-ценностной системы. С одной стороны, этот процесс обусловлен как влиянием глобализации, которая «проникает в самые глубины социально-экономических структур и, сопровождаясь мощными информационными потоками, пропагандирующими западные стандарты жизни, нередко сталкивается в острейших противоборствах с такими локальными структурами, как местный образ жизни, традиции, обычаи, привычки, образцы поведения» [20, с. 13]. В основе новой аксиологической структуры социума находятся общечеловеческие ценности, разделяемые подавляющим большинством граждан постсоветского социума и интегрирующие повседневную жизнь на основе гуманистических ориентаций. Одновременно в урбанизированном социальном пространстве трансформационные процессы резко повышают значимость личностного фактора. Соответственно, это приводит к социокультурной легитимации таких разноректорных ценностей, как потребительски ориентированные конформизм и нонконформизм, которые становятся аксиологической основой для амбивалентного в морально-нравственном ракурсе социального поведения индивидов. С другой стороны, процесс плюрализации нормативно-ценностной системы является следствием разрушения советской идеологизированной системы ценностей, в результате чего «коммунизм как официально прокламированная цель общественного развития утратил реальную идеологическую энергию» [3, с. 23]. Однако парадоксальным результатом этого процесса выступает сохранение установки на идеологизацию социокультурных процессов и отношений посредством индоктринационных механизмов в рамках постсоветского общества. Разнонаправленность традиционных и современных нормативных регулятивов обладает большим конфликтогенным

потенциалом, актуализация которого может произойти в любой момент в силу факторов самой разной природы (от использования средств и инструментов информационного противоборства до техногенных или экологических катастроф).

В-третьих, с точки зрения конституирования социальных идеалов крах советской политико-идеологической модели фактически девальвировал необходимость выработки мировоззренческих и социальных альтернатив в глобальном масштабе. Как подчеркивает В. С. Семенов, для развитых стран необходимость «социальных заимствований у социализма практически отпала, и в капиталистических странах, начиная с США, стали усиливаться негативные односторонности и пороки раннего антисоциального, антидуховного, антигуманного общественного развития» [21, с. 382]. Однако следствием доминирования утилитарно-потребительских ценностей является возникновение такого социокультурного пространства, в котором постепенно размывается духовно-нравственное измерение человеческой жизнедеятельности. В результате индивид начинает фокусироваться на узкопрофессиональных целях и обязательной связи профессионального труда с обогащением и коммерческим успехом. В проективном аспекте человеку в условиях трансформирующегося социума становится проблематично выстраивать долгосрочную стратегию жизнедеятельности, т. к. специфика «переходных периодов заключается в том, что эти периоды всегда сопровождаются острой неопределенностью будущего, которое трудно спрогнозировать как на уровне общества, так и на уровне отдельной личности, ведь человек попадает в состояние многозадачности и множественности миров, большинство из которых являются вероятностными» [22, с. 192]. Господство утилитаризма, прагматизма и консьюмеризма, ставших в глобальном обществе основой для социальной интеграции, ведет к деструктивным изменениям в конституировании ценностных ориентаций и мотиваций деятельности индивидов, к появлению атомизированного и дезадаптированного человека. Поэтому возникает проблема конституирования альтернативных социальных идеалов, способных интегрировать общество на ценностях свободы, солидарности, гуманизма, развития и ответственности.

В-четвертых, в социально-политическом аспекте теоретической и прикладной интерес представляет проблема определения субъектов и объектов властных отношений в условиях постсоветских трансформационных процессов, которые характеризуются снижением качества государственного участия на индивидуальном и групповом уровнях [23]. Так, изменение положения индивида в трансформирующемся социуме по отношению к государству в силу разрушения жестких социальных и институциональных структур приводит к тому, что человек постепенно становится субъектом в своих взаимоотношениях с властью. Однако рост влияния индивидов и социальных групп на принятие политических решений наталкивается на определенный барьер, вызванный незавершенностью формирования гражданского общества, слабостью его институциональных структур и неподготовленностью индивидов к политике как самостоятельному и инструментально значимому виду общественных отношений. В итоге политические отношения в обществе транзитивного типа, где в условиях ослабленных функций социальных институтов и экономических структур именно государство обеспечивает общественный прогресс, оказываются в плену схемы, которая циклически воспроизводит демократические и авторитарные фазы его развития. Поэтому вопрос о логике и факторах развития общественно-политических отношений в трансформирующемся социуме становится и важной прикладной проблемой. Ведь управленческое обеспечение человеческого измерения этого процесса позволяет преодолеть влияние безлично-институциональных параметров и сформировать жизнеспособные социальные порядки, основанные на самостоятельной активности индивидов.

В-пятых, представляет интерес определение параметров трансформационных процессов и прогнозирования альтернатив развития постсоветского общества. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что трансформационные процессы означают качественное изменение общества и всех его подсистем, обусловленное кризисом старых систем управления, экономических структур, социальных отношений и практик, идеологием, поведенческих стереотипов и т. д. В качестве признаков, свидетельствующих

о вступлении общества в фазу интенсивных трансформаций, выступают:

1) деградация экономических и трудовых отношений, снижение производительности труда работников, резкое падение уровня производства;

2) неэффективное функционирование правовой и политической систем, конфликтный характер взаимодействия их основных институтов;

3) повышение социальной активности населения, как в конвенциональных, так и неконвенциональных формах, востребованность насильственных практик в качестве инструментов решения индивидуальных и групповых проблем;

4) существенное снижение уровня и качества жизни населения из-за несправедливого распределения в обществе материальных благ;

5) фрагментарность социального пространства, формирование социальных барьеров между территориальными и профессиональными сообществами;

6) социальная фрустрация, обусловленная дезинтеграцией прежних адаптивных механизмов и резкой социальной поляризацией общества.

Однако кризисный характер протекания трансформационных процессов не означает тотального разрушения всего социального организма, а свидетельствует также о выработке и селекции новых социальных институтов, нормативных стандартов поведения и социальных практик. Поэтому становится проблематичным определение параметров трансформационных процессов постсоветского общества в системе координат «деградация – развитие», которые имплицитно являются идеологически ангажированными.

В-шестых, актуальной исследовательской задачей является создание гносеологической модели переходного периода развития постсоветского социума. Она предполагает определение направленности и эксплицирование логики трансформационных изменений, что требует обращения к основным теоретическим подходам к этому феномену. В рамках телеологического подхода создание новых социальных систем и отношений рассматривается как приближение к некоему постулируемому идеалу, что актуализирует использование широкомаштабной социальной инженерии. В качест-

ве иллюстрации здесь можно привести позицию А. Н. Данилова: «Трансформационный процесс зиждется на диалектическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения» [13, с. 10]. С точки зрения эволюционистского подхода формирование рыночной экономики, современных политических институтов и плюралистичной нормативно-ценностной системы является логическим продолжением развития западной цивилизации, хотя и существенно изменившимся вследствие значительного сжатия времени в современную эпоху. Модернизационный подход предполагает заимствование странами-аутсайдерами прогресса новаций и институтов у его лидеров, что рассматривается в качестве предпосылки преодоления их социально-экономического и технологического отставания. Именно поэтому В. Л. Иноземцев считает, что распад «СССР как единой страны следует анализировать в рамках концепции (пост)колониализма» [3, с. 15].

Однако анализ процессов постсоветской трансформации должен учитывать тот факт, что они протекают одновременно на нескольких взаимодействующих уровнях, выявление которых в их взаимосвязи и взаимозависимости является предпосылкой его успеха. В данном случае в качестве таковых необходимо выделить макро-, мезо- и микросреды, определяющие параметры социальной активности индивида в обществе переходного типа. Макросреда охватывает как базовые компоненты культуры общества (ценности, символы, нормы, социальные практики и др.), так и внешние по отношению к социальной среде факторы (природно-климатические условия, экология, техносфера и др.); мезосреда характеризует субкультурные характеристики конкретной социальной общности и специфичные для нее политические, экономические, географические, техногенные и иные факторы; микросреда – это социальные взаимодействия, представляющие собой разветвленную социальную сеть, элементами которой являются как сам индивид, так и другие субъекты деятельности, с которыми он постоянно или эпизодически взаимодействует.

В-седьмых, актуальным является определение роли личности как субъекта трансформационных процессов в постсо-

ветском обществе, несущей моральную ответственность за их результаты. Однако решение проблемы определения роли личности в качестве субъекта трансформационных процессов наталкивается на своеобразный парадокс, когда на первый план выходит индивид, которого сложно типологизировать в системе каких-либо экстремальных координат в силу его социальных установок и мировоззренческой позиции. В отличие от революционной эпохи, когда значительную роль играет субъективный фактор – политическое лидерство, революционные демагоги и другие социопаты, или фазы эволюционного, стабильного развития общества, когда главным субъектом является стандартно мыслящий и действующий индивид, период трансформаций характеризуется акцентом на личность. В условиях противоречивых и достаточно болезненных для общества преобразований старые поведенческие стереотипы не срабатывают, не обеспечивают необходимый уровень индивидуальной адаптации к неблагоприятному социальному контексту. Поэтому этот момент заставляет индивидов трезво оценивать себя, собственный репертуар действий и его ресурсное обеспечение, баланс затрат и возможных результатов социальной деятельности, толкает его выступать в качестве источника социальных инноваций. Таким образом, именно личность выступает в качестве фактора, определяющего, если использовать терминологию синергетики, точку бифуркации в социальном пространстве, в которой социальная система оказывается в ситуации необходимости выбора траекторий ее развития, а элемент случайности приводит к невозможности достоверно спрогнозировать ее дальнейшее развитие.

Заключение

Выбор постсоветских социальных трансформаций в качестве актуального предмета социально-философского исследования обусловлен необходимостью как концептуализации глубинных институциональных, структурных и личностных изменений в определенном историческом контексте, позволяющей корректно описывать и представлять проблемное поле, так и

обеспечения управляемости трансформационных процессов в пределах параметров, рассматриваемых в качестве оптимальных с точки зрения долговременного развития социума.

В современной белорусской и российской социальной философии конструкт «постсоветские социальные трансформации» характеризует исторически обусловленные радикальные системные изменения институциональной инфраструктуры, социально-статусной структуры и нормативно-ценностной системы социума. В большей степени они оказывают негативное воздействие на социальную динамику, обуславливая ее конфликтогенный и неравномерный характер, в меньшей степени создают предпосылки для появления и укоренения социокультурных инноваций, необходимых для повышения эффективности функционирования базовых социальных институтов. Такая трактовка обуславливает методологическую специфику социально-философского анализа социальных трансформаций постсоветского общества, которая акцентирует кризисный характер протекания трансформационных процессов, проблемность воспроизводства репертуаров, схем и процедур социальной деятельности, деконструирование их нормативно-ценностных оснований и аннигиляцию культурных смыслов бытия человека вследствие разрушения прежнего уклада жизни и несформированности новых институциональных и социальных оснований жизнедеятельности. Однако односторонняя интерпретация характера трансформационных процессов, элиминирующая обновление правовой и политической систем, экономических структур, нормативных стандартов поведения, социальных отношений и практик, существенно ограничивает прогнозирование параметров развития постсоветского общества и проблематизирует определение внутренних источников его прогресса. Как представляется, данный аспект необходимо учитывать при определении актуальных направлений, теоретико-методологических оснований и интерпретации результатов социально-философского исследования постсоветского трансформирующегося общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов, А. Н. Трансформация постсоветского общества: контуры нового мира / А. Н. Данилов // DOCTRINA. Międzynarodowy Przegląd Humanistyczny. – 2005. – № 2. – С. 167–219.
2. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М. : Гардарики, 2001. – 398 с.
3. Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) / В. В. Дамье, А. Я. Дегтярев, В. Л. Иноземцев, И. Ф. Кононов, Н. И. Лапин, В. К. Левашов, В. П. Макаренко, А. Н. Олейник, И. Н. Трофимова, М. Ф. Черныш, С. Ю. Демиденко, Ю. В. Латов // Социол. исслед. – 2021. – № 12. – С. 3–26.
4. Оболонский, А. В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни / А. В. Оболонский. – М. : Мысль, 2016. – 429 с.
5. Тощенко, Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. – М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
6. Попов, В. В. Социальные трансформации и концепция транзитологии / В. В. Попов, О. А. Музыка, Л. М. Дзюба // Фундам. аспекты психич. здоровья. – 2018. – № 1. – С. 113–117.
7. Загороднюк, Т. Концепции постсоветской трансформации общества Т. И. Заславской и Н. В. Паниной : монография / Т. Загороднюк. – Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 2013. – 164 с.
8. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002. – 568 с.
9. Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.
10. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994. – 245 с.
11. Лапин, Н. И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Н. И. Лапин. – М. : Весь мир, 2021. – 364 с.
12. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. – М. : Логос, 2010. – 388 с.
13. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск : Харвест, 1998. – 432 с.
14. Адуло, Т. И. Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ / Т. И. Адуло, О. А. Павловская. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 311 с.
15. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов : монография / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 547 с.
16. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовнонравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 519 с.
17. Павловская, О. А. Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход / О. А. Павловская ; науч. ред. А. Н. Данилов. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 308 с.
18. Лукашева, Е. А. Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст / Е. А. Лукашева // Тр. Ин-та государства и права РАН. – 2018. – № 5. – С. 9–39.
19. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества. Коммуникационные, эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 537 с.
20. Бабосов, Е. М. Глобализация как предмет социологического анализа / Е. М. Бабосов // Социология. – 2000. – № 4. – С. 3–15.
21. Семенов, В. С. Уроки XX века и путь в XXI век (социально-философский анализ и прогноз) / В. С. Семенов. – М. : ИФРАН, 2000. – 411 с.
22. Скрипкина, Т. П. Транзитивно-турбулентное общество: проблемы личности и образования [Электронный ресурс] / Т. П. Скрипкина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2021. – № 2. – С. 188–208. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru. – Дата доступа: 19.08.2022.
23. Горшков, М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций / М. К. Горшков // Социол. исслед. – 2019. – № 11. – С. 3–17.

REFERENCES

1. Danilov, A. N. Transformacija postsovietskogo obschiestva: kontury novogo mira / A. N. Danilov // DOCTRINA. Międzynarodowy Przegląd Humanistyczny. – 2005. – № 2. – S. 167–219.
2. Toshchienko, Zh. T. Paradoksal'nyj chieloviek / Zh. T. Toshchienko. – M. : Gardariki, 2001. – 398 s.
3. Zavierschenije sovietskoj epokhi: ocnki s distancii v 30 liet (kruglyj stol) / V. V. Damje, A. Ya. Diegtiariov, V. L. Inoziemcev, I. F. Kononov, N. I. Lapin, V. K. Lievaschov, V. P. Makarienko, A. N. Oliejnik, I. N. Trofimova, M. F. Chernyshch, S. Yu. Diemidienko, Yu. V. Latov // Sociol. isslied. – 2021. – № 12. – S. 3–26.
4. Obolonskij, A. V. Etika publichnoj sfiry i rialii politichieskoj zhizni / A. V. Obolonskij. – M. : Mysl', 2016. – 429 s.
5. Toshchienko, Zh. Fantomy rossijskogo obschiestva / Zh. T. Toshchienko. – M. : Centr social. prognozirovaniya i markietinga, 2015. – 668 s.
6. Popov, V. V. Social'nyje transformacii i koncepcija tranzitologii / V. V. Popov, O. A. Muzyka, L. M. Dziuba // Fundam. aspekty psikhich. zdorov'ja. – 2018. – № 1. – S. 113–117.
7. Zagorodniuk, T. Koncepcii postsovietskoj transformacii obschiestva T. I. Zaslavskoj i N. V. Panninoy : monografija / T. Zagorodniuk. – Kijev : In-t sociologii NAN Ukrainy, 2013. – 164 s.
8. Zaslavskaja, T. I. Socijetal'naja transformacija rossijskogo obshchiestva : Diejatiel'no-strukturnaja koncepcija / T. I. Zaslavskaja. – M. : Dielo, 2002. – 568 s.
9. Zaslavskaja, T. I. Sovriemiennoje rossijskoje obshchiestvo: social'nyj miekhanizm transformacii / T. I. Zaslavskaja. – M. : Dielo, 2004. – 400 s.
10. Krizisnyj socium. Nashche obshchiestvo v triokh izmierenijakh. – M., 1994. – 245 s.
11. Lapin, N. I. Slozhnost' stanovlienija novoj Rossii. Antroposociokul'turnyj podkhod / N. I. Lapin. – M. : Vies' mir, 2021. – 364 s.
12. Kak liudi dielajut siebia. Obychnyje rossijanie v nieobychnykh obstojatel'stvakh: konceptual'noje osmyslenie vos'mi nabludavshchikhsia sluchajev / pod obshch. ried. V. A. Yadova, Ye. N. Danilovoj, K. Klieman. – M. : Logos, 2010. – 388 s.
13. Danilov, A. N. Pieriekhodnoje obshchiestvo. Problemy sistiemnoj transformacii / A. N. Danilov. – Minsk : Kharviest, 1998. – 432 s.
14. Adulo, T. I. Chieloviek v uslovijakh social'nykh transformacij: filosofsko-antropologichieskij analiz / T. I. Adulo, O. A. Pavlovskaja. – Minsk : Bielarus. navuka, 2006. – 311 s.
15. Sovriemiennyje global'nyje transformacii i problema istorichieskogo samoopriedielienija vos-tochnoslavianskikh narodov : monografija / pod ried. Ch. S. Kirvielia. – Grodno : GrGU, 2009. – 547 s.
16. Biezopasnost' Bielarusi v gumanitarnoj sfirije: sociokul'turnyje i dukhovno-nravstviennyje problemi / O. A. Pavlovskaja [i dr.] ; pod ried. O. A. Pavlovskoj. – Minsk : Bielarus. navuka, 2010. – 519 s.
17. Pavlovskaja, O. A. Moral' v tranzitivnom obshchiestvie: social'no-filosofskij podkhod / O. A. Pavlovskaja ; nach. ried. A. N. Danilov. – Minsk : Bielarus. navuka, 2021. – 308 s.
18. Lukashcheva, Ye. A. Transformacionnyje processy XXI veka: institucional'nyj kontiektst / Ye. A. Lukasheva // Tr. In-ta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – № 5. – S. 9–39.
19. Lazarijevich, A. A. Stanovlienije informacionnogo obshchiestva. Kommunikacionnyje, epistemologichieskije i kul'turno-civilizacionnyje osnovanija / A. A. Lazarijevich. – Minsk : Bielarus. navuka, 2015. – 537 s.
20. Babosov, Ye. M. Globalizacija kak priedmet sociologichieskogo analiza / Ye. M. Babosov // Sociologija. – 2000. – № 4. – S. 3–15.
21. Siemionov, V. S. Uroki XX veka i put' v XXI vek: social'no-filosofskij analiz i prognoz / V. S. Siemionov. – M. : IFRAN, 2000. – 411 s.
22. Skripkina, T. P. Tranzitivno-turbulentnoje obshchiestvo: problemy lichnosti i obrazovanija [Elektronnyj riesurs] / T. P. Skripkina // Viestn. Mosk. gos. obl. un-ta. – 2021. – № 2. – S. 188–208. – Riezhim dostupa: www.evestnik-mgou.ru. – Data dostupa: 19.08.2022.
23. Gorshchikov, M. K. O social'nykh riezul'tatakh postsovietskikh transformacij / M. K. Gorshchikov // Sociol. isslied. – 2019. – № 11. – S. 3–17.